DOI: 10.17976/jpps/2020.02.02

ПРАВО НА РАЗВИТИЕ: ИННОВАЦИИ КАК ГЛОБАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ

К.А. Ибрагимова, О.Н. Барабанов

ИБРАГИМОВА Ксения Александровна, соискатель кафедры интеграционных процессов, МГИМО МИД России, Москва, email: ibragimovaxenia@gmail.com; **БАРАБАНОВ Олег Николаевич**, доктор политических наук, профессор, профессор РАН, научный руководитель Европейского учебного института, МГИМО МИД России, программный директор, Международный дискуссионный клуб "Валдай", Москва, email: drolegbarabanov@gmail.com

Ибрагимова К.А., Барабанов О.Н. Право на развитие: инновации как глобальное достояние. – Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 8-20. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.02

Статья поступила в редакцию: 05.10.2019. Принята к публикации: 09.01.2020

Аннотация. В современном мире сохраняется неравенство, которое проявляется как в социально-экономической, так и в научно-технологической и инновационной сферах. Авторы исходят из концепции глобального всеобщего достояния (global commons), рассматривающей в том числе научное, технологическое и инновационное развитие как трансграничное достояние человечества. Согласно этой логике право на научно-технологическое и инновационное развитие, понимаемое как право индивидуальное и коллективное, логично вписывается в процесс эволюции прав человека, а концепция права на научно-технологическое и инновационное развитие опирается на представления об инновационном суверенитете всех государств, т.е. принципиальном равенстве всех государств в праве на создание и развитие необходимых для решения глобальных проблем технологий. Это право исторически связано с деколонизацией и необходимостью реализации человеческого потенциала как условия осуществления всех других политических, социальных, экономических, культурных и экологических прав. Авторы сопоставляют современные подходы к преодолению проблемы научного, технологического и инновационного неравенства в мире, анализируют вопросы, связанные с открытостью науки, демократизацией процесса создания инноваций и переходом к "открытым инновациям".

Ключевые слова: инновационный суверенитет, право на научно-технологическое и инновационное развитие, договоры о научно-технологическом сотрудничестве, соконкуренция, Декларация ООН о праве на развитие, информационные технологии, доступность информации, большие данные, права интеллектуальной собственности, открытая наука.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И КОНЦЕПЦИИ ВСЕОБЩЕГО ДОСТОЯНИЯ

В настоящее время в научном и политическом дискурсе наблюдается сдвиг от "чистой" геополитики и проблематики жесткой/мягкой силы суверенных государств к теме экологических, ресурсных, демографических, социальных проблем. С 2000-х годов в дискуссиях в ООН и на различных международных площадках все реже используется термин "глобальные проблемы" и все чаще звучат отсылки к концепции "*глобального всеобщего достояния*" (*global commons)*, понимаемого как в широком социальном смысле, так и в узком экологическом [Барабанов, Саворская 2018].

Термин *global commons* сразу же получил многозначное толкование. В узком смысле слова под глобальным всеобщим достоянием понимается окружа-

ющая среда: воздух (и климат), питьевая вода, пахотные ресурсы, биоразнообразие и прочее. А в расширительном смысле *global commons* включают и социальное общее достояние планетарного человеческого общества: доступ к здравоохранению, к минимальной (а затем и к продвинутой белковой) пищевой корзине, к комфортной городской и социальной среде и т.п. В самой радикальной и расширительной трактовке термин воспринимается как планетарное (т.е. трансграничное) единство человеческого рода, которое порождает собственную ценностную базу для мировой политики [Барабанов, Маслова 2019].

Представления о всеобщем достоянии, в свою очередь, связаны с концепцией общественных благ и "трагедией общин" [Hardin 1968], переосмысленных в 1990-е годы в теории глобальных общественных благ Инге Каул [Kaul 2013]. В отечественной литературе тема общественных благ получила развитие в трудах С.А. Афонцева [Афонцев 2010: 265-267]. В 2000-е годы общественные блага стали исследовать Дж. Бойл [Boyle 2007], Ч. Швейк и Р. Инглиш [Schweik, English 2012].

В книге "Понимание знания как всеобщего достояния: от теории к практике" под редакцией Ч. Хесса и Э. Остром говорится, что изменилось представление о новых нераспределенных ресурсах. В их число включены – как глобальное всеобщее достояние, – *общие знания*, в том числе распространяемые посредством универсального и гражданского образования научные истины, доменные имена, инфраструктура и доступ в *интернет*, *цифровой разрыв*, цифровые и традиционные *библиотеки*, *программное обеспечение на открытом коде*, *общественная собственность*, *права интеллектуальной собственности* (копирайты, творческие и научные сообщества, патенты и др.), научные публикации, феномен открытой науки, классификаторы, микробиологические сообщества, генетические сообщества [Understanding Knowledge... 2007].

С нашей точки зрения, сюда же можно отнести и такие феномены, как *технологический и инновационный разрыв, открытые инновации*, *стандарты*, *большие данные*, *гражданская наука*, связь между которыми еще недостаточно прослежена в современной научной литературе.

С позиций теории всеобщего достояния базовым правом человека является право на справедливый доступ к благам, подпадающим под категорию всеобщего достояния, и право на инновационное развитие как всеобщее достояние.

В политико-правовой литературе рассматривается эволюция представлений о *правах человека*. При этом выделяется первое поколение прав – гражданские и политические права, закрепленные в основных законах стран мира [Cornescu 2009: 1]. Второе поколение прав человека связано с социально-экономическими и культурными правами. К третьему поколению относят обычно право на гуманитарную помощь и законодательство в сфере защиты окружающей среды.

Опыт мировых войн и деколонизация способствовали появлению современных представлений о правах человека, рассматривающих право как всеобщее достояние. Закрепление в Уставе ООН основных прав человека способствовало всеобщему признанию универсальности этой концепции [Свобода... 1997].

Уже во "Всеобщей декларации прав человека" 1948 г. устанавливались права на социальное обеспечение (свободный выбор занятий, благоприятные

условия труда и защиту от безработицы; отпуск, отдых и досуг; пищу, одежду, жилище, медицинский уход и социальное обслуживание), возможность участия личности в экономической, социальной и культурной жизни (общедоступное техническое и профессиональное образование; участие в культурной жизни общества, в научном прогрессе и использование его благ, а также на защиту авторских прав и материальных интересов, являющихся результатом научных трудов; свободное и полное развитие личности[1]).

К 1986 г. относится подписание "Декларации ООН по праву на развитие", в которой подчеркивается, что данное право "принадлежит каждому, индивидуально и коллективно, без какой-либо дискриминации" [2].

Конференция по устойчивому развитию 1992 г. в Рио-де-Жанейро способствовала сближению проблематики защиты окружающей среды с правами человека и необходимостью быстрого распространения технологий в целях решения глобальных проблем [Henderson 2015]. При этом отмечалось, что технологии развивающимся странам не передаются по праву развития, а, как правило, приобретаются взамен природных ресурсов. Отдельный раздел принятой на конференции декларации "Повестка дня на XXI век" был посвящен науке в целях устойчивого развития. Наука признавалась как сила, способствующая "осмотрительному управлению природопользованием и развитием в интересах обеспечения повседневной жизни людей и будущего развития человечества"[3], и предлагался план действий в области науки для целей защиты окружающей среды и развития на XXI в., предполагающий укрепление научной базы в целях устойчивого управления; расширение научного понимания; совершенствование долгосрочных научных оценок; создание научного потенциала и возможностей для работы ученых в развитых и развивающихся странах[4].

Четвертое поколение прав человека связано с успехами в сфере биотехнологий и генной инженерии и продвигает новую сферу – права будущих поколений. Так, в 1997 г. во Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека ЮНЕСКО[5] признавалась конфиденциальность генетических данных, а также призывалось поощрять меры, которые позволяют развивающимся странам пользоваться достижениями научного и технического прогресса, дабы их применение в интересах экономического и социального прогресса осуществлялось ради всеобщего блага (ст. 19). Во Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека[6] 2005 г. говорилось, что доступ к благам, предоставляемым проведением научных исследований и применением их результатов, должен иметься у всего общества и всего международного сообщества, в частности, у развивающихся стран (ст. 15). К таким благам относились,

[1] Всеобщая декларация прав человека. – *ООН*. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (accessed 21.09.2019).

[2] Декларация о праве на развитие. – *ООН*. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/right_to_development.shtml (accessed 21.09.2019).

[3] Декларация ООН "Повестка дня на XXI век". – *ООН*. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21_ch35.shtml (accessed 21.09.2019).

[4] Там же.

[5] Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека. – *ООН*. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml (accessed 21.09.2019).

[6] Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека. – *ООН*. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml (accessed 21.09.2019).

например, доступ к научно-техническим знаниям и укрепление потенциала в области проведения исследований.

В 2012 г. по поручению Генерального секретаря ООН при этой организации был открыт центр научной экспертизы [см. Ибрагимова 2017].

Данный этап был связан с продвижением прав будущих поколений посредством целепологания устойчивого развития. На Саммите тысячелетия в Нью-Йорке 6-8 сентября 2000 г. было принято восемь целей в области развития, восьмой из которых стало глобальное партнерство. В Декларации тысячелетия был предложен ряд конкретных мер по укреплению сотрудничества между всеми сторонами на международном, национальном, региональном и местном уровнях и был выдвинут состоящий из 21 задачи план действий по достижению целей к 2015 г. Задача 17 включала сотрудничество с частным сектором в целях использования достижений новых технологий, особенно в сфере продвижения информационно-коммуникационных технологий, что отражало более низкие приоритеты науки и технологий для развития в системе ООН по сравнению с 1970-ми годами [Calestous 2018: 39].

Впоследствии в сентябре 2015 г. на саммите ООН мировыми лидерами была принята Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., и целей стало 17. Цель 9 включала создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям[7]. Цель 17 стала толковаться более расширительно, включая не только вопросы информационных технологий, но и биотехнологий, промышленности 4.0, расширения использования социальных сетей и внедрения искусственного интеллекта.

ООН выступает за расширение регионального и международного сотрудничества по линиям Север-Юг, Юг-Юг и трехстороннего сотрудничества в области науки, технологий и инноваций и доступа к ним, а также за расширение обмена знаниями на взаимосогласованных условиях, в том числе посредством улучшения координации между существующими механизмами, в частности, посредством глобального механизма содействия технологиям[8].

Таким образом, расширительная трактовка знаний как "всеобщего достояния", появившаяся в 1990-х годах, может быть дополнена пониманием инноваций как "*всеобщего достояния*" (*global commons*).

По нашему мнению, новым направлением для объединения усилий международного сообщества на правозащитном направлении может стать продвижение права на научное, технологическое и инновационное развитие, на базе которого может быть выстроено равноправное сотрудничество в сфере науки, технологий и инноваций в целях развития, основанное на представлениях об открытой науке, открытых технологиях и открытых инновациях [Smith 2017]. Важную роль в продвижении этого права должна играть научная дипломатия [Ибрагимова, Барабанов 2018].

ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕРАВЕНСТВА

Лауреат Нобелевской премии Амартья Сен [Sen 2000, 2003] отмечал, что только благодаря знаниям возможно сближение менее развитых стран с более развитыми [Cribb, Sari 2010]. Знания как стимулируют экономическое

[7] Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. – *ООН*. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/70/1 (accessed 21.09.2019).

[8] Sustainable Development Goal 17. – *United Nations*. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/sdg17 (accessed 21.09.2019).

развитие внутри стран, так и уменьшают технологические и экономические различия между ними.

Право на инновационное развитие связано непосредственно с правом на справедливый *доступ к существующей научно-технологической информации*. Прогресс в средствах коммуникации ускорил информационный обмен между континентами, что открыло доступ к научным знаниям. Однако по-прежнему они более доступны в развитых странах. В этих условиях необходимы специальные меры, направленные на поощрение лучших практик и недопущение нарушения прав человека в сфере доступа к научно-технологической информации и образованию, ограниченного финансовыми либо языковыми барьерами, отчасти технологическими и пр. Связи между научными и техническими данными и общественной информацией посвящен сборник трудов национального исследовательского совета США [The Role... 2003]. Важную роль здесь играют политические факторы, способствующие равному доступу и распространению знаний среди всех заинтересованных лиц.

Выработка эффективной инновационной политики

Национальный инновационный потенциал зависит не только от инновационной инфраструктуры страны и связанных с ней результатов, но главным образом от среды, которая определяет инновационный процесс, в частности, от государственной политики, оказывающей поддержку институтам и компаниям в их деятельности, направленной на создание инноваций как всеобщего блага. Отсюда высокая значимость социальных и политических институтов, таких как правительства, университеты и научно-исследовательские учреждения, научные общества, спонсоры, организации пациентов и других групп гражданского общества, промышленности и т.д.

Концепция *национальных инновационных систем* подчеркивает роль институтов в создании и поддержании среды, которая позволяет производить и обмениваться коллективными знаниями и ресурсами для достижения социальных, технологических и экономических инноваций. Она показывает, что возможности отдельных людей зависят от социальных механизмов – государственной политики в области образования, трудоустройства и коммерциализации научных результатов, участия в научных сетях.

Участие в определении повестки дня и программ научных исследований

Западные страны все еще доминируют в определении повестки дня и программ научных исследований. Такие факторы как, например, культурная изоляция и периферийное взаимодействие с мировым научным сообществом, слабость контактов с пользователями исследований (отраслью, сообществами и, в частности, лицами, влияющими на принятие политических решений), и, прежде всего, отсутствие политической воли и поддерживающих общественных дискуссий ограничивают возможности развивающихся стран.

Между тем в научной повестке дня проявляются черты колониализма. Наука долгое время была направлена на обслуживание интересов колониальных держав: на улучшение условий наземных и морских путешествий, выявление экономически ценных местных видов животных и растений или понимание тропических болезней для поддержания здоровья и жизнеспособности колоний. Даже после деколонизации данные направления остаются глобальными научными приоритетами, что отражается в их финансировании.

Поощрение практик открытой науки

Реализация права на доступ к научно-технологической информации облегчается за счет поощрения практик открытой науки, которые ограничивает закрытость патентных систем.

Концепту открытой науки посвящена статья Б. Фечер и С. Фрисике "Открытая наука: один термин, пять школ мысли" [Fecher, Friesike 2014], в которой приводится дискурс по пяти направлениям: 1) *инфраструктурный подход* (делает упор на зависимость качественных исследований от технологической инфраструктуры: открытых платформ, инструментов и услуг для ученых); 2) *общественная школа* (обращает внимание на необходимость обеспечения условий для участия граждан в процессе создания знаний через микроблоги, презентации, гражданскую науку, отдельные проекты, финансовые инструменты); 3) *школа измерения* (альтернативные технологии измерения влияния и распространения знаний: открытое рецензирование, импакт-фактор через твиты, блоги, дискуссии в социальных сетях, цитирования, ограниченные вследствие нехватки метаданных); 4) *демократическая школа* (понимающая открытость как доступ к знаниям, ограниченный неравенством, правами интеллектуальной собственности, закрытостью данных и исходного кода, возможность их распространения и повторного использования); 5) *прагматичная школа* (считает, что более эффективно совместное проведение исследований, и рассматривает такие явления, как "мудрость толпы", сетевые эффекты, открытость кода и открытость данных, их доступность для обработки компьютером).

К. Мэйер считает идею открытой науки, получившую поддержку Европейского союза, скорее пустой риторикой, но отмечает, что понимание культуры обмена помогает понять ее роль в создании изменений [Mayer 2015].

Существенный ограничитель подобных практик – обмен не знаниями, а данными и информацией. Бо́льшая часть знаний, лежащих в основе инновационных процессов, являются неписанными, невысказанными и базирующимися скорее на личном опыте, интуиции, наблюдениях и усвоенной информации [Mormina 2019]. Именно с этим связано то, что знания продолжают генерироваться в центрах инноваций, и, несмотря на размывание границ глобализацией и повсеместное распространение информационных технологий, разрыв между странами с большими и скромными расходами на науку продолжает расти.

Соответственно, открытость науки не должна сводиться только к практикам распространения существующих знаний; в нее должны вносить вклад программы обучения, направленные на совершенствование способности производить и использовать новые научные знания.

Поощрение международного сотрудничества в сфере науки

Как пишут Л. Хантер и Е. Лихей, с 1935 по 1940 гг. в мире только 11% статей было написано в соавторстве, а с 2000 по 2005 гг. – уже 50% [Hunter, Leahey 2008]. По данным *Scopus*, доля статей во всех областях с международными соавторами с 2006 по 2016 гг. увеличилась до 55,7%[9]. Рост числа публикаций в соавторстве в основном приходится на межинституциональное сотрудничество, между тем как международное измерение, согласно

[9] *Elsevier, Scopus abstract and citation database, accessed July 2017.*

исследованию Д. Хенриксона, отличалось ростом с 2,7% до 4,8% в 1980 г. и до 18,6-29,8% в 2013 г. [Henriksen 2016]. Если рассматривать не только статьи, но и книги, написанные более чем одним автором, то доля совместных публикаций в гуманитарных науках составляет 28,9%, а в общественных – 80,8% [Ossenblok, Verleysen, Engels 2014]. Библиометрические данные показывают, что обмен знаниями позволяет повысить и количество цитирований [Bornmann 2017]. Тем самым международное сотрудничество, проявляющееся в совместных публикациях авторов из разных точек мира, способствует трансграничному распространению знаний.

Программы обучения людей и развития технических компетенций

Конкуренция в научной сфере сама по себе служит барьером для создания открытой науки. Сохраняются и культурные барьеры: недостаточность необходимых навыков и компетенций ученых в сфере лицензирования, цифровой грамотности, научного взаимодействия. Соответственно, выходом для преодоления неравенства представляется создание программ переобучения и развития компетенций. Однако повышения компетенции отдельных ученых будет недостаточно, если они после обучения окажутся вне формальных и неформальных сетей научного сообщества. Важна не только поддержка отдельных исследователей, исследовательских партнерств, университетов, фирм, рынков, правительств и т.д., но и установление связей между ними.

Трудности в создании научных знаний связаны с различными барьерами: административными (недоступность инфраструктуры, нехватка пространства для ресурсоемких качественных данных и проблема их сохранности, нехватка финансирования на местном, национальном и международном уровнях), законодательными, этическими, связанными с неприкосновенностью личной жизни, институциональными и политическими факторами (отсутствие стабильности). Их устранению могут служить практики лицензирования, усиления законодательства в сфере прав интеллектуальной собственности; сохранение научных школ, поддержка в области создания необходимой инфраструктуры генерирования знаний; поддержка мероприятий, направленных на развитие культуры открытости (обязательство делиться знаниями, поощрение, повышение взаимного цитирования). Положительным примером может служить Будапештская инициатива открытого доступа, принятая в декабре 2001 г. и на конец 2019 г. подписанная более чем 6 тыс. исследователей и почти 1 тыс. организаций и институтов[10].

Преодолеть разрыв между научными знаниями и обществом помогает *гражданская наука*, которая позволяет добровольцам из разных стран мира принять участие в проведении исследований. Так, в рамках проекта *Galaxy ZOO* пользователи помогали классифицировать галактики. Если бы эта работа велась индивидуальными исследователями, то заняла бы 83 года, тогда как силами волонтеров проект был завершен за семь месяцев [Raddick et al. 2013]. Благодаря распределенной сети "средних специалистов" из разных стран подобные задачи становится решать намного проще. Использование сетевых ресурсов и привлечение гражданского общества к развитию науки, технологий и совершенствованию продуктов и услуг способствуют складыванию локальных сетевых международных сообществ [Franzoni, Sauermann 2014].

[10] *Budapest Open Access Initiative.* URL: https://www.budapestopenaccessinitiative.org/ (accessed 21.09.2019).

Демократизация процесса создания инноваций и переход к "открытым инновациям"

Важный вклад в обеспечение права на доступ к технологиям вносят "открытые инновации", в процессе создания которых может принимать участие все общество [Pohulak-Żołędowska 2014].

Ускорение информационного обмена между пользователями приводит к образованию самоорганизуемых групп по интересам, связанных с новыми технологиями – инновационных сообществ, которые возникают до того, как та или иная технология попадет на рынок и будет коммерциализирована [Allen, Potts 2015; Lakhani, Panetta 2007]. Такие сообщества закладывают правила эффективного управления новыми технологиями, которые в дальнейшем смогут стать глобальным достоянием [Allen, Potts 2016].

Интересен феномен *гражданских инноваций* – изобретений или улучшений, созданных индивидами для удовлетворения собственных нужд (см., например [Torrance, Hippel 2015]). Ограничивает данные практики закрытость патентных систем. С одной стороны, патенты способствуют созданию инноваций и формируют стимулы для исследований. Но чрезмерное патентование ограничивает доступ к общим ресурсам, особенно в сфере биотехнологий. Х. Грин обратила внимание на то, что в сфере биотехнологий владельцами патентов могут становиться как государственные, так и негосударственные акторы, поэтому наблюдающаяся в США раздробленность патентов не способствует стимулированию развития инноваций [Greene 2010].

Таким образом, технологический прогресс зависит не столько от доступа к информационным ресурсам (научные публикации и т.д.), сколько от способности производить местные и общественно ценные научные знания и создавать продукты и технологии. Однако скорость, с которой менее технологически развитые страны могут догнать более технологически продвинутые, зависит от социальных возможностей наций. Доступность инноваций как всеобщего блага в одной стране (пусть даже в виде гуманитарной помощи) в теории не означает их недоступность в другой (например, лекарства против определенной болезни). Тем самым инновации действительно можно рассматривать как всеобщее, глобальное достояние. При координации усилий и сотрудничестве многих людей и государств инновации могут служить для всеобщего блага. Способствуя решению конкретных проблем в разных сферах: в сфере здравоохранения, в предоставлении доступа к воде, в борьбе с изменением климата, в переходе к "чистой энергетике", обеспечении безопасности, – технологии создают условия для роста доверия между людьми, выраженного в совместном управлении активами.

Технологический трансфер

Под технологическим трансфером понимается внедрение инноваций, применение технологий, техники или знаний другой организации для нового использования или производство нового продукта, либо более эффективное производство существующих продуктов [Dubickis, Gaile-Sarkane 2015].

В 1960-х годах в документах ООН признавалась возможность для развивающихся стран превратиться в промышленно развитые путем прямого трансфера технологий из более развитых стран. При этом развивающиеся страны рассматривали ограничения, связанные с правами интеллектуальной

собственности, как барьер на пути совершенствования сельского хозяйства и здравоохранения. Другим барьером признавались низкие капиталовложения в развитие человеческого потенциала.

В 1966 г. был принят Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, в ст. 2 которого содержалось обязательство государств по оказанию международной помощи и развитию сотрудничества в экономической и технической областях в степени максимального использования имеющихся ресурсов[11].

В 1975 г. Генеральной ассамблей ООН была принята Декларация об использовании научно-технического прогресса в интересах мира и на благо человечества, в которой отмечалась необходимость принимать меры, направленные на то, чтобы достижения науки и техники служили целям удовлетворения материальных и духовных потребностей всех слоев населения для защиты этих слоев от отрицательных последствий, которые могут быть результатом неправильного применения достижений научно-технического прогресса (ст. 6).

В центре внимания участников конференции ООН 1979 г. в Вене по науке, технологиям и развитию находился вопрос трансфера технологий. По ее итогам был создан центр по технологическому трансферу (просуществовавший до 1993 г. и прекративший свою деятельность из-за разногласий между развитыми и развивающимися государствами). Если в развивающихся странах государства требовали оказания им помощи в технологическом трансфере, то в промышленных странах частный сектор защищал свои технологии от трансфера с помощью прав интеллектуальной собственности – переговоры зашли в тупик.

В ближайшие годы мир будет меняться под воздействием целого ряда технологий, таких как 5G, биочипы, AR/VR, беспилотный транспорт, глубокое обучение[12]. Помимо этих технологий, стандарты которых только разрабатываются и вклад в развитие которых может внести любая заинтересованная страна, рынки продолжают захватывать более простые и более старые технологии, подпадающие под защиту прав интеллектуальной собственности [Stern 2011].

В контексте прав на развитие перед правительствами всего мира ставятся задачи распространения и использования указанных инновационных решений для борьбы с глобальными вызовами. При этом практической задачей является нахождение баланса между общественным благом и интересами частных компаний, желающих сохранить технологические и сопутствующие знания по их применению под контролем в рамках создаваемого ими рынка[13].

Конечно, готовые технологии не решают проблему неравенства, а, возможно, и усугубляют ее, так как приводят к деформации рынков труда. Например,

[11] Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. – *ООН*. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (accessed 21.09.2019).

[12] Gartner Identifies Five Emerging Technology Trends That Will Blur the Lines Between Human and Machine. – *Gartner*. 20.08.2018. URL: https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2018-08-20-gartner-identifies-five-emerging-technology-trends-that-will-blur-the-lines-between-human-and-machine (accessed 21.09.2019).

[13] По данным ПРООН, 80% компаний заявили о том, что они включают принципы прав человека в свои уставные документы, и 92% компаний считают, что права человека ими реализуются на практике. Именно поэтому одной из целей ПРООН 2018 г. стала цель № 9 по развитию промышленности, инноваций и инфраструктуры.

использование искусственного интеллекта ставит под угрозу исчезновения многие профессии, особенно распространенные в странах с большим населением и низкими доходами. Эксперты Конференции ООН по торговле и развитию прогнозируют, что автоматизация труда затронет до двух третей рабочих мест в развивающихся странах, в особенности в Африке и Латинской Америке[14]. При этом доля профессий, которые могут пострадать от автоматизации, оказывается выше не в развитых, а в развивающихся странах мира, где многие рабочие места уже исчезли, а избыток дешевой рабочей силы оставляет людей без средств к существованию вследствие невозможности получить управленческие и трудовые навыки, необходимые для работы с новыми технологиями. По мнению Т. Вогта, к таким навыкам относятся: умение взаимодействовать с компьютерными системами, решать проблемы, эмоциональный и моральный интеллект [Vogt 2016]. Специалисты Оксфордского университета и *Citi Group* также опубликовали доклад, согласно которому роботы отберут наиболее простую и низкооплачиваемую работу у жителей развивающихся стран еще до того, как эти страны успеют разбогатеть. Этот феномен получил название "преждевременной деиндустриализации". Сейчас роботы, которые используются на производстве в Китае и Индии, окупаются за 1,5-3,5 года. При этом в Индии машины могут занять 69% рабочих мест, в Китае в зоне риска 77% рабочих мест, в Эфиопии – 85%. Авторы исследования считают, что роботизация труда может замедлить экономический рост и снизить конкурентоспособность развивающихся стран, когда начнется процесс перевода фабрик и заводов обратно, поближе к Европе и США [Frey, Osbourne, Holmes 2016]. Так, в Сингапуре, Лондоне и Токио уже рассматривают возможность перехода на автоматизированные системы в аэропортах[15]. По оценкам британских специалистов, 36 тыс. (39,3%) из 92 тыс. сотрудников в Хейсе к началу 2030-х годов могут остаться без работы вследствие автоматизации[16].

В докладе 2018 г. эксперта по применению науки и технологий для устойчивого развития Дж. Калестоса, посвященном правам человека и инновациям применительно к научно-технологической дипломатии [Calestous 2018], представлен обзор того, какое влияние оказывают инновации на права человека, особенно в развивающихся странах, и затрагивается проблема технологического трансфера, о котором развивающимся странам не удается договориться с развитыми даже в ООН. Решением представляется развитие самостоятельной независимой науки и человеческого капитала без поддержки со стороны развитых стран, а также стимулирование международного сотрудничества по науке и технологиям под эгидой ООН и активизация дискуссий о правах человека и инновациях.

По нашему мнению, право на инновационное развитие необходимо рассматривать в следующих трех плоскостях:

[14] Robots and Industrialization in Developing Countries. – *UNCTAD Policy Brief*. 2016. No. 50. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/presspb2016d6_en.pdf (accessed 21.09.2019).

[15] Park K. The Airport of the Future Is Here. And It Doesn't Need Humans. Singapore's Changi Airport is Blazing a Trail when It Comes to Automation. – *Bloomberg*. 16.09.2018. URL: https://www.bloomberg.com/news/features/2018-09-16/singapore-s-changi-airport-is-partly-run-by-robots?fbclid=IwAR1GFJ4mU0I2qfBIMnLGUOf79bJpYgYccIAg-SkaExcSWAvAX4kwciNsdqk (accessed 21.09.2019).

[16] Elliot L. Automation will Affect One in Five Jobs Across the UK, Says Study. – *The Guardian*. 17.10.2017. URL: https://www.theguardian.com/business/2017/oct/16/automation-jobs-uk-robots (accessed 21.09.2019).

1) право на доступ к научно-технологической информации и реализацию возможности развития человеческого капитала;

2) право на участие в выработке повестки дня и на разработку технологий, адаптированных под локальные нужды;

3) право местных сообществ контролировать доступность и распространение инноваций.

Рассмотрение науки и инноваций через призму концепции глобального всеобщего достояния позволяет, на наш взгляд, найти взаимоприемлемые варианты снижения неравенства в мире. Понятно, что здесь заложено непростое противоречие между "инновационным суверенитетом" отдельных государств и глобальными целями развития. Но общая динамика ценностного подхода к мировой политике, которая все настойчивее ставит задачи глобального сплочения выше национальных и корпоративных интересов, закладывает вполне четкую тенденцию к тому, что инновации, как и другие аспекты *global commons* (экология, ресурсы и пр.), все сильнее будут восприниматься мировым общественным мнением как открытый и общедоступный продукт для развития. Политикам будущего придется с этим считаться.

DOI: 10.17976/jpps/2020.02.02

THE RIGHT FOR DEVELOPMENT: INNOVATIONS AS THE GLOBAL COMMON

K.A. Ibragimova[1], O.N. Barabanov[1,2]

[1]Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Moscow, Russia

[2]Valdai Discussion Club. Moscow, Russia

IBRAGIMOVA Ksenia Aleksandrovna, degree seeker, Department of Integration Processes, MGIMO University, email: ibragimovaxenia@gmail.com; **BARABANOV Oleg Nikolaevich**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor, Professor of the RAS, Academic Director of the European Studies Institute, MGIMO University; Program Director, Valdai Discussion Club, email: drolegbarabanov@gmail.com

Ibragimova K.A., Barabanov O.N. The Right for Development: Innovations as the Global Common. – Polis. Political Studies. 2020. No. 2. P. 8-20. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.02

Received: 05.10.2019. Accepted: 09.01.2020

Abstract. Inequality persists in the modern world, manifesting itself both in the socio-economic and informational spheres, and the scientific, technological, and innovative ones. The authors of the article are trying to answer the question of whether inequality can be overcome. The authors proceed from the theory of the global commons, which considers scientific, technological, and innovative development as the global commons. Moreover, according to this logic, the right to scientific, technological, and innovative development – understood as an individual and collective right, which logically fits into the process of the evolution of human rights – and the concept of the right to scientific, technological and innovative development are based on ideas of the innovative sovereignty of all states – the fundamental equality of all states in the right to innovate and develop technologies necessary to solve global problems. This right has been historically associated with decolonization, and the necessity for guaranteeing rights for the realization of human potential as a condition for realizing all other political, social, economic, cultural, and environmental rights. The authors of the article compare modern approaches to overcoming the problems of scientific, technological, and innovative inequality in the world, and analyze issues relating to the openness of science, the democratization of the process of creating innovations, and the transition to "open innovation".

Keywords: innovative sovereignty, the right to scientific and technological and innovative development, agreements on scientific and technological cooperation, co-competition, the UN Declaration on the Right to Development, information technology, access to information, big data, intellectual property rights, open science.

References

Allen D., Potts J. 2015. *The Innovation Commons – Why It Exists, What It Does, Who It Benefits, and How*. Commons biannual global conference, Edmonton, Canada, 25-29 May.

Allen D.W.E., Potts J. 2016. How Innovation Commons Contribute to Discovering and Developing New Technologies. – *International Journal of the Commons*. Vol. 10. No. 2. P. 1035-1054. https://doi.org/10.18352/ijc.644

Bornmann L. 2017. Is Collaboration Among Scientists Related to the Citation Impact of Papers Because Their Quality Increases With Collaboration? an Analysis Based on Data From f1000prime and Normalized Citation Scores. – *Journal of the Association for Information Science and Technology*. No. 68. P. 1036-1047.

Boyle J. 2007. Mertonianism Unbound? Imagining Free Decentralized Access to Most Cultural and Scientific Material. – *Understanding Knowledge as a Commons: From Theory to Practice*. Ed. by Ch. Hess, E. Ostrom. London, Cambridge, Massachusetts: MIT Press. P. 123-144.

Calestous J. 2018. *Exponential Innovation and Human Rights. Implications for Science and Technology Diplomacy*. Belfer Center for Science and International Affairs Paper.

Cornescu A.V. 2009. *The Generations Of Human's Rights*. Dny práva – 2009 – Days of Law: the Conference Proceedings, 1 edition. Brno: Masaryk University. P. 1-11.

Cribb J., Sari T. 2010. *Open Science: Sharing. Knowledge in the Global Century*. Collingwood, Victoria, Australia: CSIRO.

Dubickis M., Gaile-Sarkane E. 2015. Perspectives on Innovation and Technology Transfer. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. No. 213. P. 965-970. https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.11.512

Fecher B., Friesike S. 2014. Open Science: One Term, Five Schools of Thought. – *Opening Science. The Evolving Guide on How the Internet is Changing Research*, Collaboration and Scholarly Publishing. Ed. by Bartling S., Friesike S. Springer, Cham, P. 17-47. https://doi.org/10.1007/978-3-319-00026-8_2

Franzoni Ch., Sauermann H. 2014. Crowd Science: The Organization of Scientific Research in Open Collaborative Projects. – *Research Policy*. Vol. 43. No. 1. P. 1-20. https://doi.org/10.1016/j.respol.2013.07.005

Greene H. 2010. Patent Pooling Behind the Veil Of Uncertainty: Antitrust, Competition Policy, And The Vaccine Industry. – *Boston University Law Review*. Vol. 90. P. 1397-1456.

Hardin G. 1968. The Tragedy of the Commons. – *Science, New Series*. Vol. 162. No. 3859. P. 1243-1248.

Henderson H. 2015. The Politics of the Solar Age: 1975-2015. – *Cadmus*. Vol. 2. No. 5. P. 101-111. https://doi.org/10.1177/1946756715602223

Henriksen D. 2016. The Rise in Co-Authorship in the Social Sciences (1980–2013). – *Scientometrics*. Vol. 107. P. 455-476. https://doi.org/10.1007/s11192-016-1849-x

Hunter L., Leahey E. 2008. Collaborative Research in Sociology: Trends and Contributing Factors. – *The American Sociologist*. No. 39(4). P. 290-306.

Kaul I. 2013. Global Public Goods. A concept for framing the Post-2015 Agenda? – *Deutsches Institut für Entwicklungspolitik (German Development Institute) Discussion Paper*. No. 2. 49 p.

Lakhani K.R., Panetta J.A. 2007. The Principles of Distributed Innovation. – *Innovations*. No. 3. P. 97-112.

Mayer K. 2015. From Science 2.0 to Open Science – Turning Rhetoric into Action? – *STCSN E-Letter*. Vol. 3. No. 1.

Mormina M. 2019. Science, Technology and Innovation as Social Goods for Development: Rethinking Research Capacity Building from Sen's Capabilities Approach. – *Science and Engineering Ethics*. No. *25*(3). P. 671-692. https://doi.org/10.1007/s11948-018-0037-1

Ossenblok T., Verleysen F., Engels T. 2014. Coauthorship of Journal Articles and Book Chapters in the Social Sciences and Humanities (2000-2010). – *Journal of the Association for Information Science and Technology*. Vol. 65. No. 5. P. 882-897. https://doi.org/10.1002/asi.23015

Pohulak-Żołędowska E. 2014. "The Common-Pool Resources" in the Open Innovation Process. – *The Wroclaw School of Banking Research Journal*. Vol. 15. No. 1. P. 75-86.

Raddick J., Bracey G., Gay P., Lintott J.C., Cardamone C., Murray P., Schawinski K., Szalay A., Vandenberg J. 2013. Galaxy Zoo: Motivations of Citizen Scientists. – *Astronomy Education Review*. Vol. 12. No. 1. https://www.doi.org/10.3847/AER2011021

Schweik Ch.M., English R.C. 2012. *Internet Success: A Study of Open-Source Software Commons*. Cambridge, Mass.: The MIT Press.

Sen A. 2000. *Development as Freedom*. New York: Anchor.

Sen A. 2003. Development as Capability Expansion. – *Readings in Human Development*. Ed. by Fukuda-Parr S. New Delhi and New York: Oxford University Press. P. 3-16.

Smith K. 2017. Innovating for the Global Commons: Multilateral Collaboration in a Polycentric World. – *Oxford Review of Economic Policy*. Vol. 33. No. 1. P. 49-65. https://doi.org/10.1093/oxrep/grw039

Stern P.C. 2011. Design Principles for Global Commons: Natural Resources and Emerging Technologies. – *International Journal of the Commons*. Vol. 5. No. 2. P. 213-232.

The Role of Scientific and Technical Data and Information in the Public Domain. Proceedings of a Symposium Steering Committee on the Role of Scientific and Technical Data and Information in the Public Domain, Office of International Scientific and Technical Information Programs. 2003. National Research Council.

The United Nations: Policy and Financing Alternatives: Innovative Proposals by Visionary Leaders. 1995. Ed. by H. Cleveland, H. Henderson, I. Kaul. Washington, D.C.: Global Commission to Fund the United Nations.

Torrance A.W., Hippel E. von. 2015. The Right to Innovate. – *Michigan State Law Review*. No. 793. P. 793-829.

Understanding Knowledge as a Commons: From Theory to Practice. 2007. Ed. by Ch. Hess, E. Ostrom. London, Cambridge, Massachusetts: MIT Press.

Vogt T. 2016. How Fast Should We Innovate? – *Journal of Responsible Innovation*. Vol. 3. No. 3. P. 255-259. https://doi.org/10.1080/23299460.2016.1258941

Afontsev S.A. 2010. *Politicheskiye rynki i ekonomicheskaya politika* [Political Markets and Economic Policy]. Moscow: KomKniga. (In Russ.)

Barabanov O.N., Savorskaya E.V. 2018. *Global'nyye ekologicheskiye ideologii: mozhno li razreshit' konflikt cheloveka i prirody? Doklad mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valday"* [Global Ecological Ideologies: Is It Possible to Resolve the Conflict Between Man and Nature? Report of the Valdai International Discussion Club]. Moscow. MDK "Valdai". (In Russ.)

Barabanov O.N., Maslova E.A. 2019. The Concept of "Global Commons" as a Factor of Global Instability. – *World Economy and International Relations.* Vol. 63. No. 8. P. 55-63. (In Russ.) https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-8-55-63

Ibragimova K.A. 2017. EU Science Diplomacy and Framework Programs as Instruments of STI Cooperation. – *MGIMO Review of International Relations*. No. 5. P. 151-168. (In Russ.) https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-5-56-151-168

Ibragimova K.A., Barabanov O.N. 2018. On the Prospects of Russian Scientific Diplomacy. – *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy*. No. 1 (97). P. 54-59. (In Russ.)

Svoboda. Ravenstvo. Prava cheloveka [Freedom. Equality. Human rights]. 1997. Moscow: Memorial. (In Russ.)

Литература на русском языке

Афонцев С.А. 2010. *Политические рынки и экономическая политика*. М.: КомКнига.

Барабанов О.Н., Маслова Е.А. 2019. Концепция глобального всеобщего достояния ("Global Commons"): новые ценности в мировой политике. – *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 63. № 8. С. 55-63. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-8-55-63

Барабанов О.Н., Саворская Е.В. 2018. *Глобальные экологические идеологии: можно ли разрешить конфликт человека и природы?* Доклад международного дискуссионного клуба "Валдай". М.: МДК "Валдай".

Ибрагимова К.А. 2017. Научная дипломатия и рамочные программы ЕС как инструменты взаимодействия в области НТП и инноваций. – *Вестник МГИМО*. № 5 (56). С. 151-168. https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-5-56-151-168

Ибрагимова К.А., Барабанов О.Н. 2018. О перспективах российской научной дипломатии. – *Вестник Российского фонда фундаментальных исследований*. № 1 (97). С. 54-59.

Свобода. Равенство. Права человека. 1997. М.: Мемориал.